Наталья Руф

Родилась в 1952 году. Долгое время жила и работала в Таре. Сейчас живёт в Омске.

Публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне».

Журавль в небе

Я открыла глаза. Ещё темно, значит, можно полежать. Муж уже встал. Вот неуёмная душа! Всё куда-то спешит.

Раньше это раздражало, а теперь привыкла. Пусть живёт, как он хочет.

А у меня своя жизнь!

Прикрыв глаза, вспомнила родное лицо:

– Здравствуй, любимый! Как спалось тебе?

Ой, что же я! Он ещё спит, почивает: разница во времени у нас два часа. Спи, родненький, отдыхай! Не буду тебя пока тревожить.

Встала, развела тесто. Муж Сергей любит горячие блины. Сидит рядом, ворчит. В годы вошёл – ворчливый стал! Всё не по его делается: и я не так хозяйство веду, и правительство не так страной руководит. Пусть себе ворчит.

А я, Алёшенька, о тебе думаю. Знаю, как проснёшься, ты тоже обо мне вспомнишь.

Нам с тобой всё в жизни хорошо. Живём в предчувствии скорого свидания: весь год осень ждём. Как листья первые полетят – чемодан собирать начинаем и на юг, как птицы перелётные, к половинке своей стремимся. И целый месяц счастья!

Хозяйка, где мы уж восемнадцать лет останавливаемся, завидует:

– Какая вы пара хорошая, счастливая!

А мы и есть счастливые! Хотя только в сорок лет мы встретились, но любовь меж нас вспыхнула жгучим пламенем! Когда первый раз прощаться нужно было, чуть не утопились от горя.

И вместе жить не получалось: у меня двое детишек дома ждали, и у Алёшеньки – трое. Как тут всё сломаешь?

Мы тогда и порешили с ним через год снова встретиться и, если любовь – мучительница наша не пройдёт, тогда уж и решать будем.

Не прошла любовь ни через год, ни через два.

А потом решили, что семьи свои ломать не станем и близких своих мучить не будем!

Есть любовь – нужно радоваться ей.

Вот и встречаемся каждый год, и целый месяц наш!

Детишки спокойно выросли, сейчас внуки подрастают. Что ж делать, если судьба так распорядилась.

Ведь с детства знала я, чувствовала, что живёт на свете половинка моя. Но никак не могли мы встретиться.

Заневестилась я, черёмуха каждый год душу своим цветом тревожила. А любви нет как нет. Уже перестарком меня женихи считать стали, а я всё тебя, Алёшенька, ждала. Так и не дождалась – за соседа Сергея замуж вышла, и зажили мы.

Сергей – хороший мужик, работящий и рукастый. У него жена больная молодой умерла. Болезнь съела.

Вот он мне и предложил за него замуж идти. Я и пошла. Сколько можно было любовь ждать. Как в пословице – лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Правильно сделала: любовь меня настигла только через шестнадцать лет. Вот бы я сидела и выжидала! Вся высохла бы с горя.

А так деток подняла. И не безмужняя и не бездетная эти годы за добрым мужем провела. Любить не любила, но уважаю до сих пор.

Ну, ворчливый стал, так все в преклонные годы терпенье теряют. Ко мне хорошо относится, детей любит. Живём мы в согласии. Когда и поругаемся, не без этого. Вчера, например, внучок пятилетний Ванюшка напакостил – в дом лягушек приволок! Я его наказала, а дед заступился. Дескать, мальчишка нам добычей хотел похвастаться.

Вдруг услышала телефонный звонок особый – переливчатым колокольчиком

разливается, чтоб я знала, что моё солнышко, Алёшенька, звонит!

Надо же, счастья сколько сегодня: сейчас голос родной услышу:

– Да! Я слушаю!

Сначала тишина, и кто-то вздыхает! У меня сердце ёкнуло: неужели Любаша, Алёшина жена, нашу тайну раскрыла и теперь проверяет?

И точно, женский голос:

– Я не знаю, как тебя зовут. Хочу сказать, что Алёша сегодня утром скончался в больнице от сердечного приступа. Перед уходом повинился мне и попросил тебе позвонить, если с ним что-то случится. Ведь чувствовала я давно, что у него есть на стороне кто-то, но только далеко. Дома-то он скромно жил. Обидно, конечно, мне было. Но, видимо, любовь у него к тебе была. Спасибо, что детей не осиротила. Теперь нам делить некого!

Остолбенела я от такой новости! Только и смогла прошептать:

– Спасибо тебе, Любаша, что сказала про Алёшеньку.

– Надо же! Ты даже имя моё знаешь? Так он меня всегда называл!

Свет померк перед глазами. Сижу, реву, слезами заливаюсь! Погасло моё солнышко!

Сначала хотела всё бросить и на похороны ехать! Но зачем! Так он для меня всегда живой будет! Да и Любаше я там совершенно не нужна. А уж детям его и подавно.

Сергей в дом вошёл и на меня уставился:

– Что случилось?

А что я ему скажу? Он на телефон глянул и сам понял:

– С ним что-то случилось?

Я чуть сознание не потеряла, да как зареву в голос! А он глухо так говорит:

– Давно знаю, что к нему ездила. А как не знать, когда другие бабы в пятьдесят восемь давно отцвели и завяли, а ты всё цветёшь. Знаю, любовь не скроешь, она из глаз солнышком рвётся, искрами сыплется.

Хорошо, что семью не бросила. Конечно, противно мне, когда ты от него счастливая приезжала. Зло брало, и прибить хотелось. Всё ждал, когда ж ты угомонишься. А с другой стороны, как ты обвиснешь да обветшаешь – мне-то интерес какой на тебя, потухшую, глядеть?

Так и остался в небе мой любимый журавушка! Нет теперь Алёшеньки, и мне ехать не к кому.

Сергей меня простил, мы с ним ладно живём, но сердце моё всё равно далеко отсюда!

Там, где-то в просторах заснеженной Сибири.

Злая планета

Ему сразу не понравилась эта планета: выглядела она неприветливой. Грязный и изуродованный вариант родной Земли, его голубой планеты.

Хотя очень напомнила ему Родину: когда он приближался, вдруг защемило сердце. Вспомнились родные лица, до боли знакомая берёзка в садике, запах пирогов в родном доме.

А ведь была уверенность, что он, старый космический волк, давным-давно перестал мучить себя переживаниями о том, что он когда-то потерял.

Если бы молодость знала… а он тогда не знал! И не хотел знать!

Его просто неодолимо тянули космические просторы. Захлестнувшая его мечта увидеть другие миры сковала мозг и оказалась самым сильным желанием.

Он никого не хотел слушать. Слёзы матери, слова молодой жены, увещевания отца он встречал хмурым отсутствующим взглядом.

Слушал и делал по-своему. Ему казалось, что здесь, на Земле, он будет вести серую и никчёмную жизнь: дом – работа, работа – дом. А вот в космосе – сплошная романтика!

Да, романтическое настроение не покидало его, но только во время первых двух полётов. А потом он воспринимал всё новое

по-будничному, ничему не удивляясь. Это была просто работа. Только в безжизненном пространстве и без возвращения домой.

Не к кому было возвращаться. Все, кого он любил, умерли на Земле задолго до приземления их корабля из первого полёта. Он не облегчил последние годы своих родителей – они доживали одни.

Недолюбил свою жену. Перед его отлётом они развелись, и она вышла замуж во второй раз, а он все последующие годы путешествовал один.

Не вырастил сына: фактически сознательно отдал его на воспитание отчиму. Как жилось мальчику без папы? Какой он был?

Правнучка с гордостью показывала родословную семьи, где просто указывалось, как звали его потомков. Но ничего больше она не знала. Да, наверное, и не хотела знать.

Эта пожилая женщина смотрела на молодого человека, своего прадеда, и завидовала ему: он так хорошо сохранился. Она не понимала, почему человек, которому рукоплещет весь мир, никуда не хочет идти.

Только сидит и гладит страницы родословной, где записаны имена людей, безвозвратно потерянных во времени. Ведь это его сын и внуки, которых он не знал: не держал на коленях и не отвечал на их вопросы.

У неё не оказалось детских фотографий его потомков, а на фото, где они были запечатлены в преклонном возрасте, он видел только изображение каких-то чужих стариков.

Дольше быть у неё в гостях не имело никакого смысла, и он в одиночестве побрёл в гостиницу, где его тоже никто не ждал.

И никому на Земле до него не было дела. Встречающие восторженно чествовали прилетевших победителей! Наградили, сказали много лестных слов, а затем разошлись по своим домам.

Прибывшим космонавтам некуда было идти, кроме гостиницы. Поднадоев друг другу за время полёта, каждый был занят собой в полном одиночестве.

Он был героем в двадцать два года! Молод и хорош! Красивые девушки ловили его взгляды, но он-то знал, что скоро опять полёт. А когда вернётся, на родине встретят его только внуки этих девчонок.

Такой долгожданный возврат на Землю оказался бессмысленным, да и предстоящая жизнь тоже. Он думал раньше, что серые будни – это дом – работа, работа – дом, а в его варианте жизнь оказалась ещё более серой: работа, работа и ещё раз работа. Но в душе ещё пела романтика и манила в бескрайние просторы космоса.

Друг, с которым учились в школе космонавтов, вместе стремясь к космическим приключениям, погиб ещё во втором полёте. Глупо и нелепо разбились их мечты о дальних странствиях об острую скалу в ущелье Юпитера. Вдрызг разлетелись иллюзии об интересной жизни героев космоса.

После четвёртого полёта он уже не возвращался на Землю, оставаясь на орбите до следующего задания. Незачем.

Работал теперь всегда один. Молодые раздражали незнанием и восторгами по каждому пустяку, пожилые – унылым видом и покорной усталостью.

Он имел репутацию специалиста на все руки, и ему пытались навязать напарников и учеников. На собеседованиях угрюмо и внимательно слушал начальство, затем, ни слова не говоря, вставал и уходил. И опять, в одиночестве, отправлялся в черноту космоса.

А потом, не теряя время на перелёты даже до орбиты Земли, просто выходил на связь по расписанию – дважды в день, в любой точке пространства: чётко, отрывисто и по делу. Каждое задание выполнял тщательно, аккуратно и без интереса. В свободное время смотрел фильмы прошлых лет, читал и слушал книги.

А вот сны оказались неподвластны ему: видел родителей, любил жену и играл с маленьким сыном, слушал шелест листьев берёзы у родного дома.

Так и прошли долгие десять лет. Для него десять лет, а на родной планете много столетий.

И вот решил, что хочет вернуться на Землю! Денег заработал: на его счетах было достаточно средств, чтобы безбедно жить! Ему всего тридцать два года. Найти бы жену, завести детей и жить тихо, где-нибудь у голубого спокойного озера, построив простой домик, с огородом и рябиной под окном. Именно так, даже если никто больше не живёт наедине с природой.

Как сейчас живут люди, даже и придумать не мог! Да и зачем время тратить? Прилетит и всё увидит сам.

Он вспомнил, как, сидя в гостях в квартире у правнучки, озираясь, разглядывал диковинную мебель и незнакомую технику. Как же это было давно! На Земле всё должно было совершенно измениться.

А вот захочет ли так жить женщина, его будущая жена, у которой совсем другие запросы и понятия?

Всё равно, в космос он больше не хочет! Только на Землю! На свою голубую планету!

Приборы окончательно рехнулись – они показывали, что он приблизился к своей цели. Но под ним, в грязных обрывках атмосферы, среди чёрных смерчей и разрядов молний, кое-как просматривались на грязно-жёлтой пустынной поверхности крошечные капли озёр. Вокруг на орбите чёрным поясом клубилось множество каких-то техногенных обломков и мусора.

Но планета обитаема: видны примитивные города, дороги между ними, мосты, выработанные шахты, терриконы пустой породы и другие следы цивилизации. Техника у жителей есть, значит, он сможет сделать небольшую остановку и привести в порядок приборы. И дальше в путь, к себе домой!

Облетев планету, разыскал какой-то заброшенный космодром с несколькими обветшавшими остовами старинных космических кораблей. Приборы показали, что в атмосфере низкий процент кислорода, высокая степень загрязнённости, жёсткое излучение: опасная для организма человека среда. А тогда какой смысл в посадке?

Но вдруг увидел взвившийся аварийный зонд: кто-то просил помощи. Пришлось спуститься на раскрошившиеся бетонные плиты. Вдалеке заметил фигурку в скафандре. Бедолага, войдя внутрь капсулы, попал сначала на санобработку и только потом появился перед радушным хозяином, приготовившим еду гостю.

Это была женщина! Измождённая, с печальными глазами на худом лице, она, не сказав ни слова, сразу принялась есть. Хозяин корабля не мешал ей, даже не разглядывая, чтобы не смутить. Она ему уже нравилась: спокойная, неболтливая.

Гостья с сожалением откинулась на спинку кресла:

– Пока больше нельзя! Я так давно не ела досыта.

И сразу, обратив взор на хозяина, жалобно попросила:

– Заберите меня отсюда, с этой мыслящей планеты. Её задача – убийство разумных существ! Она обязательно нас прикончит! В нашем экипаже было восемь человек, но осталась в живых только я! Спасаясь от неё изо дня в день, прячусь уже третий месяц. Сначала планета прельщала, подсовывая то, что мы хотели увидеть: всех, давно умерших и сохранившихся только в нашей памяти. Заманивала в ловушки по одному, пока не убила всех.

Она на секунду замерла, потом, внимательно глянув ему в лицо, спросила:

– Ты, подлетая к ней, тоже видел своих близких и родительский дом?

Он утвердительно кивнул.

Тогда гостья тревожно вскинулась и с жаром заговорила:

– Но верить этой злюке нельзя – она усыпляет нашу бдительность, а потом, когда мы расслабляемся, делает всё, чтобы убить нас – мыслящих существ. Ведь она убрала уже всех своих жителей – погубила

разными способами. Только благодаря помощи Тобгяла, последнего коренного жителя, ожидавшего спасения у космодрома, я осталась жива. Четыре дня назад он умер под обломками здания, рухнувшего от внезапного подземного толчка.

Мужчина с интересом смотрел на неё, гадая: перед ним сумасшедшая или разыгрывает его? Он, решив, что гостья шутит, тоже решил поддержать шутливый тон разговора:

– Неужели это такая злая планета?

– Она, видимо, не всегда бывает злой. Тобгял считал, что просто в ответ за причинённый ей вред пытается убрать всех мыслящих существ.

Ведь она предупреждала население уже давно: сдвигала тектонические плиты, устраивая землетрясения; заливала сушу огромными волнами, пока были моря; выливала на головы разумных обитателей тонны воды, устраивая потоп, пока была атмосфера. Всё не перечислишь.

Тобгял рассказывал, что в старинных книгах предки тоже передавали предупреждения, что очень опасно и неразумно пакостить в своём доме. Они описывали похожие бедствия, в которых погибало беспечное разумное население. Причём за значительно более мелкий вред.

Но жители планеты не поняли. Или не захотели понять. Тогда она начала мстить!

– За что?

– За то, что они сделали с ней: везде ржавые остовы, бетонные рёбра ангарных строений, запруженные разваливающими плотинами реки. Ты видел руины огромных городов? Груды бетона и кирпича, вбитые сваи, горы мусора. А сколько шахт и разрезов? Изрезано всё тело планеты, и искалечена поверхность. Выкачали кровь – нефть и газ, выкопали уголь и торф. В атмосфере только углекислый газ и много грязи, кислорода почти не осталось.

Леса вырублены ради наживы, и теперь везде лысые равнины с небольшим подлеском. А там, где огромные территории выжжены пожарами, долго ещё ничего не вырастет: выгорел весь плодородный слой.

Поля загадили химикатами до такой степени, что на них не может появиться ни одной былинки! И эта почва не оживёт ещё много лет.

Живых существ на суше безжалостно истребили. Убиты морские животные, киты, дельфины. Вычерпали рыбу и всех обитателей в реках и океанах, даже морскую капусту и все водоросли. Загадили околопланетное пространство на орбите.

Планета продолжает борьбу за своё освобождение. Просто старается вытравить со своей поверхности всё разумное население. Или неразумное?

Она энергично повернулась к нему:

– Хватит пустых разговоров. Нам нужно быстро убираться отсюда! Видишь, приближается тайфун! Это она на нас нацелилась!

И вдруг космический волк понял, что она не шутит:

– Спасибо, что предупредила! Прямо сейчас мы улетим! Слушай, но приборы практически не работают! Гадская, злая планета: никак не могу определиться, где мы!

– Она может и приборы испортить! Главное, прямо сейчас вырваться от неё. Выходи на орбиту, быстро! Прочь из атмосферы! Сейчас нас захлестнёт!

С трудом избежав опасности, корабль вынырнул из жиденького слоя грязной атмосферы, оставляя за собой полумёртвую озверевшую планету, истребившую своих врагов, которые долго убивали несчастную. В результате погибли сами.

Скорее выверить курс на родную голубую Землю. Он вспомнил синие просторы морей, просвечивающие через прозрачную атмосферу, зелень материков и ребристые змеи горных хребтов.

Нужно предупредить население Земли о возможной опасности, ведь деятельность землян тоже наносит ощутимый вред планете!

Но приборы до сих пор не работают корректно: они врут, показывая, что под ними уже сейчас планета Земля. Значит, эта злая планета опять хочет заманить их, чтобы убить?

– Нужно отлететь подальше и попробовать установить точный курс к Земле.

– К Земле? Ты с ума сошёл? Нам так повезло, что мы смогли убраться с этой затравленной зловещей планеты! В который раз ей опять удалось избавить себя от пакостной «разумной» цивилизации, как от паршивых блох! Пусть восстанавливается, если сможет.

В глазах вместо печали вспыхнул злой огонёк:

– Ты хочешь вернуться? Только попробуй! Я лучше сама убью тебя!

Только тут он понял:

– Неужели это наша Земля? Бывшая голубая планета?

– Конечно! Бери курс на Марс, там есть небольшая колония. Из землян, успевших вовремя сбежать. Думаю, что нас примут.

Лир Андреевич

Поднимаемся мы с моей тётушкой Юлией на четвёртый этаж к ней в квартиру, как вдруг раздаётся на весь подъезд такой заливистый храп, что даже завидно, как человек может спать с таким удовольствием среди белого дня.

– Неужели через стены из какой-то квартиры слышно?

Моя тётушка улыбается:

– Наш Лир Андреевич храпака даёт!

И она рассеивает моё удивление по поводу странного имени и громкого звука:

– У нас на третьем этаже трёхкомнатную квартиру купила супружеская пара: Дарья Семёновна и Фёдор Андреевич. Дружные, заботились друг о друге, ладно жили.

Она русоволосая, дородная, воспитателем в садике работала, а он – инженером на заводе. Но комплекцией пожиже своей Дарьи был, хотя тоже справный мужчина. Роста среднего, волосы вьющиеся, сединой чуть тронутые.

Ходили всегда вместе, неторопливо, и жили достойно. Двух дочек воспитали и в институтах выучили. Сначала старшую замуж отдали, свадьбу хорошую справили и квартиру двухкомнатную, в которой раньше жили, молодожёнам оставили, с мебелью, техникой и даже со шторами.

Младшая дочь с ними ещё жила, но невестилась уже. Паренёк за ней ухаживал. Положительный такой.

И её черёд пришёл, чин чином свадебный пир отгрохали, но квартиру купить не получилось: оба на пенсию вышли. Решили, чтоб не стеснять родителей, ребятам квартиру снять недалече. Они и бегали всё время сюда то на обед, то на ужин.

Дружно и хорошо ладили друг с другом, никогда не ругались: все три семьи праздники вместе у родителей встречали. Девчонки заранее прибегут, продукты с собой принесут, матери помогут на стол собрать. После застолья всё приберут и по местам расставят.

До тех пор такое счастье продолжалось, пока в одночасье не увезла скорая Дарью Семёновну в больницу с сердечным приступом. Сердечница она была, всё лечилась, но безрезультатно.

Разом осиротел наш Фёдор Андреевич, сник, как цветочек после заморозка. Будто ниже ростом вдруг стал, седой как лунь, руки затряслись. Он без своей Дарьюшки жизни не мыслил. Как похоронили её, потерял весь интерес. Выйдет, на лавочку сядет и, не мигая, выцветшими глазами перед собой смотрит. Окликнешь его, а он как очнётся. Прежде чем ответ дать – смотрит на тебя и не узнаёт.

Ну, Светка, дочка младшая, сразу же со съёмной квартиры к отцу и переехала вместе с мужем. Отец дал разрешение и их прописал, квартира-то большая, места много.

Старшая дочь вдруг претензию отцу предъявила:

– Как же это, Светке достанется квартира больше по площади и по стоимости, чем мне?

Андреич подумал, умом раскинул и решил: чтобы дочкам обеим угодить, одной трёхкомнатную квартиру подарить, а второй в дар передать двухкомнатную квартиру да плюс деньги, на старость скопленные. Как довесок – за третью комнату. А они пусть сами думают, увеличивать жилплощадь или деньгами пользоваться в своё удовольствие.

Свозили они его к нотариусу, дарственные получили, а зло, наверное, на душе осталось.

Сколько-то времени прошло, и стала Светка шпынять отца. То не так и это не эдак: неаккуратный, в квартире от тебя непорядок, храпишь, много ещё чего.

За общий стол, если гости молодые приходили, его звать перестали.

А потом он лишним оказался. Как-то Андреевич нечаянно трясущейся рукой смахнул какую-то безделушку, разозлилась Светка и выпроводила отца за дверь. Он походил, погулял и домой хотел вернуться, ан нет! Дверь она ему не открыла и на порог не пустила.

Он к старшей, а та:

– Ты свою Светочку всегда больше любил, да у нас и комнаты лишней нет! Иди и живи по месту прописки.

Он к Светке снова:

– Так я прописан здесь!

А она ему паспорт выбросила: оказывается, он давно уже выписан. И квартира не его, и прописки нет.

Походил, походил наш Андреевич от одной дочки к другой, соседи пытались девок его усовестить, но всё без толку!

Полиции всё равно, в паспортном столе, видимо, тоже, раз отца выписали без его ведома в никуда. Может, и за взятку? Помыкался неприкаянный старик и прижился в подъезде, на пятом этаже, у батареи.

Соседи его королём Лиром сначала звали, а потом сократили до Лира Андреевича. Кто матрасик дал, кто одеяло, кто подушку. По очереди пускаем помыться в ванной, он себя не запускает, тут же и бельишко простирнёт. Ну и, конечно, чаем напоишь, а когда и ещё чем.

Вот так просчитался мужичок, понадеявшись на любовь дочернюю: раздарил всё, а сам с фигой в кармане остался. Ладно, что пенсию получает, хоть прокормиться может. А иначе – хоть живой в гроб ложись.

– Неужели дочери такие бессовестные, что отца взяли и вышвырнули? Храп-то вылечить можно. Может, с пьянкой им надоел?

– Нет, Андреевич человек нормальный, поднесут – выпьет, а сам не балуется.

– Возьми, тётя Юля, хорошего человека, будете вместе век доживать!

– Что ты! Слышишь, как нахрапывает, через стены слышно! Никакой жалости не хватит, чтоб терпеть.

Когда она пошла меня домой провожать, нам встретился этот Лир Андреевич. Нормальный старичок, только куртка немного замусоленная.

А как бы я выглядела, если б в подъезде у батареи, почти на дороге у людей, ночевала?

Недели через три звонит моя тётя Юля:

– Я ведь пристроила Андреевича жить к знакомой моей. Он ей понравился, и она ему тоже. Уж полторы недели вместе живут. Оба довольны – я вчера к ним на чай звана была. Благодарят оба, и как с Дарьей Семёновной лад у него.

– Он храпеть перестал?

– Так всё и осталось, только она глухая: снимет аппарат, и спят, как голубки!